

способленіе своей политической религіи къ кровавымъ завѣтамъ Торквемадо Джерзинскій совершилъ не безъ внутреннихъ, быть можетъ, тяжелыхъ переживаній. Я помню, до чего онъ былъ взволнованъ во время допроса осенью 18 г. моими словами о мерзости правительственнаго террора. Всегда идейные большевики фальшиво отвѣчали одно — они «смягчаютъ ужасы народной мести». Этотъ яезунтизмъ могъ имѣть мѣсто только въ первые дни террора. Потомъ необычное стало повседневнымъ. Безуміе отъ пролитой крови захватило фанатиковъ. Тогда фанатики превратились въ изуверовъ.

Рафинированный эстетъ, скептикъ и циникъ смѣнялъ Держинскаго на его посту. Въ Менжинскомъ не было ничего отъ аскетизма и фанатизма. Въ холодномъ бездушнѣ продолжало твориться кровавое дѣло. И трудно не согласиться съ авторомъ, что среди чекистскихъ фигуръ это едва ли не одна изъ наиболѣе отвратительныхъ. Дегенеративный аристократъ — какъ бы формулируетъ свою характеристику Гуль. Но этимъ терминомъ авторъ нѣсколько злоупотребляетъ. Оба шляхтича, руководившіе «пролетарской» Чехой, къ аристократіи, конечно, не принадлежали.

На смѣну шляхтичей пришелъ фармацевтъ Ягода. Это уже полное ничтожество, по характеристикѣ автора. Типъ революціоннаго карьериста, хитраго, злобнаго, мстительнаго, но услужливаго передъ властью имущими. Въ сущности, это типы изъ того же «человѣческаго звѣринца», который дѣйствовалъ въ подвалахъ.

Я не пытался, въ сущности, изложить характеристики, данныя Р. Гулемъ. Онѣ образны и цѣльны, хотя и не со всѣми историческими сопоставленіями его можно согласиться. Ихъ надо прочитать непосредственно для того, чтобы ощутить весь ужасъ, который внушаетъ «человѣческой звѣринецъ» (отъ верховъ до низовъ) въ дѣйствіи.

С. Мельгуновъ.

П. Н. Савицкій. Разрушающіе свою родину. — Изданіе Евразійцевъ. Берлинъ. 1936.

Брошюра, выпущенная П. Н. Савицкимъ, очень своевременна и содержитъ рядъ указаній на факты вопіющіе, но мало кому извѣстные. Разгромъ древнихъ храмовъ Ярославля и Великаго Устюга, разрушеніе построеннаго Растрелли собора Свенскаго монастыря, уничтоженіе всей старой архитектуры Архангельска и Екатеринбурга, идиотское опустошеніе Москвы, уже лишившейся несчетнаго множества старинныхъ церквей, Вознесенскаго, Чудова и Симонова монастырей, Красныхъ воротъ и чудесной Сухаревой башни, срытію которой радуется какой-то совѣтскій пошлякъ, воспѣвающій оставшееся отъ нея пустое мѣсто, — все это говорить за себя и все это должнымъ образомъ выдвинуто и подчеркнуто авторомъ. Жаль только, что евразійскія теоріи его отразились даже и на трактовкѣ этой казалась бы ни съ какой исторіософской системой не связанной темы: О разрушеніи ярославльскихъ позднихъ, очаровательно-лубочныхъ

росписей можно горевать и не предпочитая их фрескамъ Сикстинской капеллы. Уничтоженіе предметовъ или зданій, имѣющихъ только историческій интересъ, незначѣмъ ставить на одну доску съ уничтоженіемъ подлинныхъ произведеній искусства, на томъ только основаніи, что и тѣ, и другіе — русскіе. Если посмотрѣть на дѣло безъ евразійской предвзятости, то какъ разъ такой фактъ, какъ распродажа эрмитажныхъ сокровищъ западной живописи (о которой авторъ не забылъ, слава Богу, пожалѣть), окажется бѣдствіемъ чисто-русскимъ, такъ какъ ихъ лишилась Россія, а не міръ. Зато угрожающее состояніе, въ которомъ, какъ слышно, находятся нынѣ церкви Коломенскаго и Острова подъ Москвой, т. е. лучшіе и почти единственные образцы русской шатровой архитектуры, созданія истиннаго художественнаго генія, должно было бы волновать не только русскихъ, но и всѣхъ вообще людей, умѣющихъ любить искусство. Мнѣ кажется также, что П. Н. Савицкій напрасно взываетъ къ совѣтскому патриотизму или национализму. Пренебреженіе художественнымъ прошлымъ страны, о которомъ такъ краснорѣчиво свидѣлствуютъ собранные имъ факты, объясняется не паденіемъ слюбви къ отечеству и народной гордости, а паденіемъ культуры. Можно поклоняться національному штыку и въ то же время топить печку рублевской иконой.

В. Вейдле.

André Gide. Retour de l'U.R.S.S. Ed. Gallimard. Paris. 1936.

Маленькая изящная книжечка, въ каждой своей строчкѣ насыщенная острымъ содержаніемъ.

Значеніе книжечки А. Жида для насъ русскихъ не въ самыхъ фактахъ, всѣмъ намъ давно извѣстныхъ; не въ тѣхъ горестныхъ открытіяхъ, которыя для себя сдѣлалъ въ СССР авторъ, — совершенное духовное рабство въ Россіи Сталина для насъ никогда не было Америкой. Цѣнность «возвращенія изъ СССР» въ томъ, что написали ее именно Андрѣ Жидъ. Безспорно первый сейчасъ французскій писатель, наследникъ старой, глубокой культуры, долгіе годы аристократически замкнутый, чуждый толпѣ и ея чуждавшійся, онъ года три тому назадъ, переживъ какой-то духовный кризисъ, вдругъ объявилъ, что «восторгается Союзомъ ССР и пламенно любитъ его». Любить какъ землю обѣтованную, гдѣ человѣкъ сталъ востину свободнымъ, освобожденнымъ отъ власти вѣчныхъ отношеній, творящимъ новый совершенный коммунистическій строй. Въ отличіе отъ легіона европейскихъ журналистовъ, писателей, дѣльцовъ, «снобизирующихъ» своими совѣтскими симпатіями не безъ выгоды для себя, Андрѣ Жидъ въ своемъ прогипнотическомъ для чуткаго, умнаго и культурнаго человѣка восторгѣ передъ «страной утопій» былъ глубоко искрененъ и послѣдователенъ. Повѣривъ на слово учителямъ и апостоламъ новой социальной религіи, онъ духовно все глубже уходилъ въ коммунизмъ, въ свѣтлое, какъ онъ думалъ, ученіе о любви къ свободному человѣку и социальному равенству.